

Меразофис — невероятно преданный человек.

Он поклялся в верности моим родителям и даже после их смерти продолжает свою службу. Его лояльности нет предела.

Хоть мы сейчас и ходим с ним рука об руку, я до сих пор мало что знаю о прошлом Меразофиса.

Пока мои родители были живы, я притворялась младенцем, потому нечасто с ним виделась и вообще не разговаривала.

Несмотря на это, кое-какие выводы о его характере, основанные на моих наблюдениях, я все же сделала.

Прежде всего, Меразофис — трудоголик. Его зависимость видна невооруженным глазом.

Он так много работает, что у меня закралось подозрение, мол ради своего дела Меразофис пожертвует даже сном.

На бумаге он был только слугой отца, но на практике был дворецким всей семьи. Хотя правильнее будет сказать, что он был и слугой, и дворецким одновременно.

Двигателем такого рвения работать была его верность к отцу и любовь к матери.

Да, Меразофис был влюблен в мою маму.

Это было очевидно даже мне, человеку безо всякого любовного опыта в целых двух жизнях. Уверена, об этом секрете знали все в поместье.

Слуга, влюбленный в жену своего хозяина... Будь мы в сказке, это было бы началом запретной любви, но в жизни открытое проявление таких чувств в подобных условиях будет лишь признаком глупости.

Одна ошибка... и счастливая жизнь одного графа, его жены и слуги обратилась бы в ничто...

Но, поскольку речь идет о Меразофисе, это бедствие не могло произойти. Он не мог допустить такой ошибки.

Тот запер свои чувства и служил, от всего сердца желая моей матери счастья и всецело веряя ее моему отцу.

Думаю, общеизвестность этих фактов и делала их допустимыми.

Я не понимаю и не представляю, как можно желать другим счастья ценой своего собственного.

Симпатия Меразофиса была настолько сильна, что даже я ее заметила. Как он сумел подавить свою страсть и довериться моему отцу?

Мне никогда не понять, о чем он думает. И, если честно, это немного пугает. Что если он бросит меня когда-нибудь и уйдет навсегда далеко-далеко?

Меразофис ведь поклялся в верности не мне, а моим родителям. Он предан им, а не мне.

Его чувства к моим родителям все еще не остыли.

Должно быть, он ненавидит всех, кто причастен к их смерти.

Не только Потимаса Харрифенаса. Армию Оцу, приспешников религии Божественного Слова, Имперцев — всех участников войны тоже можно считать причастными.

Сейчас он все еще рядом со мной, но что если он решит уйти от меня ради свершения своей мести?

Эта мысль не дает мне покоя.

— Ха!

Меразофис, не зная о чем я думаю, с криком взмахнул мечом.

Однако если его клинок что и разрезает, так это воздух.

Нет, он не отрабатывает движения. Просто его оппонент увернулся от удара.

Пот с него льется рекой.

Вампиры оказывается тоже потеют.

Через некоторое время Меразофис, достигнув своего предела, валится на землю. Хоть он и

пытается встать, собственное тело тащит владельца к земле.

Я поражена, что он смог добиться таких результатов.

Его взмахи, как по мне, были на приличном уровне. Даже мне очевидно, что они не идеальны, но это компенсировалось высокими вампирскими статами.

Меразофису, как слуге, не требовались чрезвычайно высокие навыки самозащиты.

Однако тренировки в купе с его высокими статами делали из него приличного бойца.

Но вот его оппонентом...

Его оппонентом, так легко уклоняющимся от всех этих доблестных атак, была Широ. Она размахивает своей косой, вообще не задумываясь о действиях своего противника. В какой-то момент она даже перестала комментировать его движения.

Широ двигалась быстрее пули, я не могу за ней уследить глазами.

Хотя она, судя по отрицательным покачиваниям головой, не сильно довольна собственной манерой битвы.

Меразофис уже на ногах стоять не может, а Широ даже дыхания не сбила.

Вот она, разница в их статах.

Да, статы Меразофиса куда выше по сравнению с большинством людей, но это не имеет значения для Широ.

Он много работает над своей техникой. Каждое утро, с момента пробуждения и до самого рассвета он отрабатывает движения с мечом.

В тот день, когда на нашу карету по пути от бабушки напали грабители и Широ спасла нас от смерти, изменилась не только моя жизнь, но и Меразофиса.

Тогда его слабость поставила нашу жизнь под угрозу. Он не мог допустить этого еще раз, поэтому на следующее утро, когда солнца даже не было на горизонте, Меразофис уже махал своим мечом.

Конечно, одни только тренировки не сделают его сильным. Он всего лишь слуга, не телохранитель, и потому не обладал навыками фехтования. Но это его не останавливало, и по

сей день он не прекращает своих тренировок.

Однако все его усилия бессмысленны против Широ.

Я знаю, как много сил Меразофис вкладывает в свою боевую подготовку, поэтому понимаю, насколько его огорчает бессилие перед ней.

Но он, стиснув зубы, не останавливается. По глазам видно, что разочарование только придает ему сил.

В них видна решимость, которой не так давно и в помине не было.

В тот день, когда Ариэль принесла несколько бочек с выпивкой, я позволила себе глоточек и... заснула. Так что понятия не имею, что произошло в ту ночь, но что-то явно имело место быть, потому что Меразофис на следующее утро был совсем другим человеком.

Может он действительно той ночью просто развеялся и отпустил все, что его так тяготило, но кажется мне, что не алкоголь спровоцировал такие изменения.

Я предположила, что Ариэль что-то сделала, но, когда я поблагодарила ее, она с кривой улыбкой заявила, что ничего с ним не делала.

Но что бы она ни говорила, это не отменяет того факта, что Ариэль сама по себе очень добрая.

Она дала мне точный совет по поводу того, чем я могу помочь Меразофису, когда я ее об этом спросила, хоть и ответила она мне тогда грубовата.

Думаю, и с Меразофисом она также поговорила. Никто кроме нее помочь ему не мог, даже я.

После того, как Ариэль отругала меня за собственный эгоизм, я попыталась поразмышлять о том, что беспокоило Меразофиса.

Хотя думать долго и не пришлось, ответ лежал на поверхности.

Меразофис и я потеряли город, в котором мы жили. Но он жил в нем, будучи человеком, и намного дольше, чем я. Он потерял больше, чем я. Родные закоулки, время, знакомых... даже свою человечность.

Меразофис стал вампиром из-за меня, пускай даже ситуация нам не оставляла другого выбора.

Я даже не задумывалась о том, как это на него повлияло. Его слова: «Я благодарен вам за это»,

я приняла в самом прямом смысле.

Он потерял все, и теперь к тому же несет бремя бытия вампиром...

Его не могло не волновать произошедшее.

Неудивительно, что Ариэль была зла на меня за то, что я не видела того, что было у меня перед глазами.

Я и вправду думала только о себе. И продолжаю даже сейчас.

Лучше бы мне просто оставить его в покое, но я не могу отпустить Меразофиса..

Он может и вампир, но все еще остается прекрасным человеком в личностном плане. Его новое тело не перечеркивает всю его жизнь, которая у него была до обращения.

Он был слугой моего отца, так что другие дворяне примут его с распростертыми объятиями. Узнают ли новые хозяева о том, что он вампир, или нет, решит сам Меразофис, однако, я думаю, что даже если этот факт вскроется, его все равно примут.

Меня, по какому пути в жизни я не пойду, всегда будет преследовать опасность, и потому я считаю, что Меразофису будет лучше сойти с него.

Я отлично понимаю, какой опасности его подвергаю, но все равно не могу отпустить Меразофиса.

Он всегда преданно защищает меня, поэтому мне страшно представить свое будущее без него.

Я не думаю ни о ком, кроме себя...

— Я есть хочу. Тут есть место, где можно покушать?

Ариэль оглядывает округу. Я следую взглядом за ней, но заведение, которое бы могло удовлетворить наше желание, моими глазами не находится.

Перед нами были лишь люди, люди и люди.

Мы в городе, судя по всему, самом большом в этом регионе, а значит отсюда до столицы нам

осталось идти не так уж и долго.

Как и подобает городу, он полон жизни.

Толпы здесь настолько плотные, что даже будучи на руках Меразофиса я дальше ближайших прохожих не вижу.

— Я был в этом городе раньше. Знаю здесь неплохой, по крайней мере по моим воспоминаниям, трактир. Как вам предложение заглянуть в него?

— Отлично! Пошли!

Ариэль в предвкушении еды начинает следовать по пятам за Меразофисом.

Трудно поверить, что этот человек — повелитель демонов собственной персоной.

— Нам сюда, — Меразофис заводит нас на другую улицу.

Чем дальше мы идем по ней, тем меньше людей вокруг нас, пока мы, судя по всему, не доходим до совсем уж тихого жилого района.

А затем мы сворачиваем в узкий переулок и идем вглубь него, пока не доходим до двери без вывески.

По открытию двери Меразофисом, звенит колокольчик, оповещающий о нашем приходе.

Вопреки невзрачному экстерьеру, интерьер был отделан как подобает настоящему ресторану.

— Ого. Откуда ты знаешь об этом потайном проходе в стене?

— Мой господин дружил с главой города, он же в свою очередь рассказал мне об этом месте.

Если глава города был знаком с графом, то он не мог не знать о Меразофисе. Быть может, он примет нового слугу?

Пока я об этом думала, Меразофис и Ариэль уже заняли свои места.

Меразофис усадил меня рядом с собой. Посади он обычного ребенка на стул для взрослых, тот, скорее всего, не смог бы усидеть на месте, однако я спокойно на нем расположилась.

Стоило мне принять удобное расположение, как к нам подошел пожилой мужчина.

— Могу ли я принять ваш заказ?

— Два блюда от шефа и что-нибудь, что ребенок сможет с легкостью проглотить, если у вас конечно найдется подобное в меню.

— Хорошо.

Выслушав пожелания Меразофиса, мужчина удаляется.

Мы единственные клиенты этого относительно тускло освещенного местечка.

Ни официантов, ни другого персонала тут не наблюдалось, так что, скорее всего, тот, кто только что принял наш заказ и есть хозяин этого заведения.

— Предприниматель из него такой себе, — подмечает Ариэль.

— Не думаю, что ему важна прибыль, — Меразофис сухо улыбается, — это хозяин данного трактира. Насколько мне известно, он работал на главу города, о котором я уже упоминал ранее. По возрасту его отпустили на пенсию, однако желание готовить для людей у него все еще не иссякло, поэтому и открыл это не примечательное заведение.

— А, то есть он специально обустроился в таком глухом месте, чтобы не заниматься готовкой постоянно?

— Именно. И поскольку это место сокрыто от глаз посторонних, в него приходят только те, кто о нем знает.

Логично. На двери нет вывески, так что, проходя мимо нее, никто и не подумает, что за ней скрывается трактир.

Его бывшая работа для него теперь всего лишь хобби, так что деньги ему не особо важны.

Жить можно по-разному. Быть может, и для меня с Меразофисом найдется другой путь?..

— Вас что-то беспокоит, юная госпожа?

— А! Нет, все в порядке.

Я автоматически ответила на беспокойство Меразофиса.

Не могу в лоб спросить его о том, хочет ли он свободы.

Меразофиса не удовлетворил мой ответ, но он не стал вытаскивать подробности из меня.

Звон колокольчика привел к новому посетителю у двери. С виду пришедший был слегка младше владельца ресторана.

Я не хотела на него пялиться, так что быстро повернулась к лицам Меразофиса и Ариэль, с лица последней почему-то спала улыбка.

По моей спине прошелся холодок. Не от того, что Ариэль включила Запугивание. Она вообще его сейчас не использовала и в принципе желания убивать, которое я пару раз видела в ней, сейчас не наблюдалось, но она точно уже подготовилась к драке.

— Я извиняюсь.

Игнорируя сверлящий взгляд Ариэль, мужчина присаживается рядом с нами, хотя вокруг достаточно свободных мест. Причина выбора такого места проясняются с ответом Ариэль.

— Давно не виделись.

Улыбка возвращается на лицо Ариэль и с ней она в дружественной манере приветствует мужчину.

Они знают друг друга? Это объясняет, почему он сел рядом с нами.

Но судя по первой реакции Ариэль, она не сильно рада его видеть.

— И вправду. Рад вас снова видеть. Или стоит сказать «приятно познакомиться?»

Второй вариант кажется нелогичным, они ведь уже встречались.

— Можно и так, и так.

Меразофис так же, как и я, сбит с толку словами нового собеседника, а вот Ариэль напротив, разговаривает с ним как ни в чем не бывало.

— И чем я удостоилась вашего визита, Папа Божьего Слова?

Смысл слов Ариэль доходит до меня не сразу, так что я не успеваю среагировать.

— Могу ли я принять ваш заказ?

К сожалению, или к счастью, хозяин поспешно возвращается до того, как кто-либо успевает сказать хоть еще одно слово.

— Мне пожалуйста то, что заказала она, — Папа рукой указывает в сторону Ариэль.

— Хорошо.

Не замечая напряжения у стола, хозяин так же быстро, как и появился, снова исчезает на кухне.

Мой взгляд снова падает на Папу.

Он выглядит как самый обычный добрый старик. Одежда у него не выделяется и лишним весом, несмотря на свое, наверное, немаленькое состояние, он не страдает. Я бы даже сказала, что он, наоборот, худой.

Я бы и не догадалась о том, что он глава самой большой религии в мире, если бы Ариэль об этом не сказала бы. Да чего уж, даже учитывая то, что она отчетливо проговорила это вслух, мне сложно поверить, что он Папа.

Разве человек такой важности не должен ходить хотя бы с одним телохранителем?

— Довольно безрассудно показываться передо мной без сопровождения с вашей стороны, не говоря уже о том, что вы на территории врага.

Ариэль указала ему на то, о чем я как раз думала.

— Не волнуйтесь. Мало кто знает меня в лицо.

— Ну, я вас узнала.

— Если вы меня узнали, то меня уже никакая охрана не защитит, так что нет разницы: встречусь я с вами с ней или без. А в случае, если вы меня атакуете, то мой выбор прийти в одиночку окажется даже разумнее, ведь тогда только я паду вашей жертвой.

Папа говорит об этом как о погоде, что придает его словам какой-то сюрреалистичный характер, словно он говорит о невозможных ситуациях.

Только когда Ариэль тяжело вздыхает, я понимаю, что он хотел сказать.

Его не волнует умрет он или нет и, судя по реакции Ариэль, он не блефует.

Он пришел сюда один, чтобы встретиться с той, кто может с легкостью его убить, только потому, что ему не хочется подвергать опасности охрану.

Я не представляю, сколько смелости нужно, чтобы решиться на такое.

После этого умозаклочения старик все же начинает выглядеть немного странным человеком в моих глазах. Как ни как, не каждый может занять пост Папы религии Божьего Слова.

— Позвольте еще раз спросить. Что вам нужно? Вы ведь пришли сюда не на чашку чая?

— Верно.

Папа, глядя на Ариэль в раздумьях, кивает ей в ответ.

Ненадолго он оборачивает взгляд на Меразофиса и меня.

— Кажется, мы оба не видим смысла в том, чтобы ходить вокруг да около. Отлично. Тогда перейдем к теме обсуждения. Во-первых, я бы хотел, чтобы вы оборвали все свои связи с религией Богини. Во-вторых, я требую рассказать все, что вам известно об эльфах. И в-третьих, хотелось бы узнать о ваших двух спутниках.

Он хочет знать о нас?

К чему это все?

Не понимая, что происходит, я беспомощно повернулась к Меразофису. Лицо его было страшным, словно он смотрел на тех эльфов, что ворвались тогда к нам в дом. Это лицо ненависти предназначалось врагу.

Перед нами был враг.

Он, лидер Божьего Слова, помог Оцу разрушить наш дом.

Человек перед нами был, наверное, самым большим врагом для нас после Потимаса.

— Продолжай. Я вся в твоём внимании.

— Первое требование я выдвигаю, потому что Оцу планирует и дальше продолжать войну.

— Что?! — воскликнул Меразофис от услышанного.

Не обращая на него внимания, Папа продолжает.

— А это значит, что мы, последователи Божьего Слова, будем продолжать им помогать. Сражаясь на стороны Саризеллы, ты принесешь нам много неудобств.

Какое эгоистичное требование.

Я, как и Меразофис, судя по его сжимающимся под столом кулакам, не могла на него не злиться.

Он сдерживает в себе куда больше злости, чем я, но все равно продолжает хранить молчание, которое стоит сохранять также и мне.

Лучше доверить этот разговор Ариэль.

— Хм. Звучит очень выгодно... для вас.

— Если позволите, я бы хотел извлечь еще больше выгоды. Хотелось бы заполучить одного из ваших подчиненных, что принял участие в недавней битве — белого паука, которого люди зовут Ужасом Лабиринта.

С моих губ чуть не вырвался возглас, но благо я успела прикусить язык.

Уж что-что, а то, что в разговоре всплывет имя Широ, я не ожидала.

— И зачем вам она, позвольте поинтересоваться?

— Это существо — причина, по которой началась война. Мы не можем его просто так отпустить, — Папа делает паузу, — разве что, если оно уже мертво. Тогда обстоятельства играют нам на руку.

Его лицо все так же спокойно, но голос стал острее.

— Не думала, что вы будете пытаться из меня информацию вытягивать, — любезно парирует Ариэль.

Он вытягивает информацию? О чем она?

Папа ухмыляется.

— Я говорил, что это бессмысленно, но не говорил, что не попытаюсь.

— Ни стыда, ни совести... — Ариэль вздыхает, — вы хотели узнать какие отношения у меня с Ужасом Лабиринта и собираемся ли мы с ним помогать Сариелле, так ведь? Могли бы и прямо спросить, а не задавать наводящие вопросы.

Судя по голосу, Ариэль сейчас находится на грани скуки и злости.

Папа думал, что такая примитивная уловка сработает на самом Повелителе Демонов?

— О нет. Кажется, меня раскрыли.

Папа, кажется, не сильно расстроен по этому поводу.

Вместо того, чтобы придаваться отчаянию, он смотрит на меня, а если быть точнее, то всматривается в Меразофиса.

Так значит, он добивался реакции не от Ариэль, а от Меразофиса!

Учитывая прошлое Меразофиса, слова Папы должны были в нем что-то задеть, и хоть яркого всплеска эмоций он не смог спровоцировать в слуге, что-то внутри того уж должно было передернуть.

Какой бы мелкой реакция ни была, ее наличие что-нибудь да расскажет о Меразофисе.

Беру свои слова обратно, он не дурак и знает, что делает.

Я поднимаю взгляд на Меразофиса, намекая ему на то, что не стоит проявлять перед Папой никаких эмоций. Он, поняв меня и смотря мне прямо в глаза, мельком кивает.

— Во-первых, Дастин, то существо — не мой подчиненный, — Ариэль, слегка повысив голос, отвечает на один из вопросов.

Дастин, я так понимаю, это имя Папы?

— Хотя, думаю, вы уже догадались. Тем не менее, с ней у меня все под контролем. Больше

ничего по этому поводу я не могу сказать.

Слова Ариэль слишком расплывчаты, чтобы для Папы они могли представлять какую-то ценность, однако он, удовлетворенный ответом, кивает.

— Это я и хотел услышать, Леди Ариэль. Однако мне все еще интересны ваши планы касательно Саризеллы. Можете по этому поводу что-нибудь сказать?

— Ничего в Саризелле я не затеваю, просто останавлиюсь в столице и вернусь домой. Пока никто не сует свой нос куда не надо, ничего делать я не собираюсь.

— Вам не о чем беспокоится. Я не задумываю ничего, что могло бы навлечь ваш гнев.

— Правда? Вы меня не убедили. В предыдущий раз вам не удалось сдержать борозды. Да и ваши методы...

— Уверю вас, мои руки крепко держат поводья. Однако стоит признать, что в предыдущий раз нарушители действительно принесли нам проблемы. За свою неудачу я искреннее извиняюсь.

— Угу. Значит в этот раз вы настроены серьезно?

— Мы всегда серьезны. Просто в этот раз нам нужно убедиться, что наш план точно сработает, поэтому мы и хотим свести непредсказуемые факторы к минимуму.

— Понятно. Я так полагаю, что под непредсказуемыми факторами вы подразумеваете меня, Потимаса и еще кое-кого, да?

— Да.

Ариэль и Папа продолжают свой разговор.

Я пытаюсь уследить за его нитью, но некоторые слова в купе с неизвестным мне контекстом затрудняют понимание.

От этой секретности голова кружится. Нельзя же мимо ушей пропустить этот разговор, ведь он может повлиять на мое с Меразофисом будущее.

— Тогда я осмелюсь предположить, что вы не собираетесь работать с Саризеллой. А вот второй вопрос, кажется мне, неразрывен с третьим. Этот ребенок, за которым охотятся эльфы, кто он?

Глаза Папы были неумолимо направлены на меня. У него все еще лицо добродушного старика,

но взгляд непоколебимый.

Меразофис поднимает руку, будто пытаюсь закрыть меня от взора.

Мне видна только его спина, но я уверена, что у него сейчас очень суровое лицо, но несмотря на это, Папа продолжает смотреть на меня.

— Конечно я не спрашиваю о том, как зовут малышку Софию Керен. Я хочу узнать, кто внутри нее на самом деле. Может быть у вас, по счастливой случайности, есть воспоминания из предыдущей жизни?

От неожиданной верности его предположения я дрогнула.

Судя по спадающей с лица старика улыбке, какая-то моя реакция все же подтвердила его теорию.

— Боже. Неужели... это правда? Значит... в системе есть баг?

От его спокойствия ничего не осталось.

На его лице проступает горе.

Неожиданная смена настроения удивила меня, но не так сильно, как его слова

Система? Баг? Что эти слова значат?

— Ало? Ты тут? Прием?

Ариэль попыталась привести в чувство молчащего Папу.

— Прошу прощения. Кажется, я никогда уже не избавлюсь от этой привычки, сколько не перерождайся.

— Не стоит слишком много волноваться по пустякам. Освободи голову от мыслей и расслабься.

— Я бы так и поступил, если бы мог.

Папа улыбается от своей же насмешки. Впервые за этот разговор она настоящая.

— Система работает исправно. Можете об этом не беспокоиться.

Ариэль договаривает и тут же возвращается шеф с тарелками в руках.

Папа закрывает рот, так и не развив свою мысль, и молча смотрит, как старик раскладывает сервиз на столе.

Хозяин ресторана снова уходит и снова возвращается с новой партией посуды. Не понятно, то ли он чувствует необычную атмосферу в заведении, то ли абсолютно ее не замечает.

Так или иначе, цикл возвращений и уходов продолжается, и с каждой итерацией на столе появляется все больше блюд.

Он заслуживает звания бывшего главного шефа главы города. Один внешний вид его свежих блюд предвещает отличный вкус, а богатый запах так и соблазняет меня.

Но все эти эпитеты относятся не к моей тарелке. У меня какое-то месиво из, в лучшем случае, овощей.

Я ожидала, что мне достанется что-то подобное, но все равно опечалена.

— Думаю, мы все хотим съесть еду до того, как она остынет, поэтому предлагаю пока оставить наш разговор и поесть.

Как только шеф удаляется, Ариэль вытягивается к своей порции.

Хоть Папа пришел позже нас, его заказ тоже уже готов, потому что он полностью идентичен заказу Ариэль.

Папа проговаривает молитву перед трапезой, как и Меразофис.

Их молитвы отличаются: привычная уже мне молитва Меразофиса относится к религии Богини, а Папа, должно быть, произносит ее же, только в вариации Божьего Слова.

Первая молитва благодарила Богиню, а вторая больше походила на раскаяние.

Перед тем, как приняться за свою еду, Меразофис берет мою ложку с едой и подносит ее к моему рту.

Я бы и сама могла нормально поесть, но поскольку тут находится Папа, мне приходится притворяться обычным ребенком, а значит и кормить себя я, по идее, не в состоянии.

Хотя смысл в этом притворстве сомнительный. Папа уже знает, что я необычный ребенок, и мне стыдно, что меня кормят с ложечки. И все же я не останавливаю его.

Ариэль и Папа едят в тишине.

Атмосфера настолько душная, что мы не можем даже насладиться нашей вкуснейшей едой.

Хотя... учитывая, какая у меня каша, моя личная потеря невелика...

Молчание продолжается, пока мы все не доедаем. Да и после того, как мы доели, никто из нас не открывает сразу рта.

— Система работает исправно. Однако в ней действительно произошло кое-что ей не свойственное, — Ариэль наконец нарушает тишину. — Поэтому мне пришлось начать действовать. Честно скажу, даже я не знаю, как все пойдет дальше, но очевидно, что времена меняются. Ваши попытки уничтожить религию Богини — тоже часть этих перемен.

Папа в смиренной позе продолжает сидеть, не отвечая на фразу Ариэль.

Погодите-ка... Что только что сказала Ариэль? Божье Слово хочет искоренить веру в Богиню?

Так значит не Оцу пытается победить Сарииэллу, а...

— Хочешь сказать, что за вторжением стоит не Оцу, а Божье Слово?

Мерзифис прервал собственное молчание и сместил взгляд на Папу.

Мы думали, что инициатором атаки на Сарииэллу были Оцу, но Ариэль говорит так, будто Божье Слово подтолкнуло Оцу к атаке.

Звучит это практически одинаково, однако разница колоссальная, потому что тогда нашим противником является не маленькое государство, а самая большая религия мира.

Сарииэлла, возможно, и сможет победить Оцу, но если за войной стоит Божье Слово, то у нашей страны нет не единого шанса.

— Да, конечно. С чего бы вдруг маленькому государству, которое может сдуть ветром, начинать войну? Тебе это не показалось подозрительным?

Ариэль, не Папа, ответила на вопрос Мерзифиса, подтверждая его догадку, будто этот факт давно всем известен и растиражирован по всему свету.

Папа ни подтверждает, ни отрицает ее слов, но его молчание, думаю, можно принять за согласие.

— Неужто верующие Божьего Слова так ненавидят последователей Богини?

Меразофис скрипит зубами.

Отношения между Сариэлльской Богиней и Божьим Словом никогда не были теплыми, но этой войной они намерились решить все раз и навсегда.

— Не хочется разочаровывать тебя, но мотивы у этого парня не такие простые. Он на самом деле не так сильно верит в свое Божье Слово. Скорее наоборот, он нарываяется на гнев богов.

Мне требуется пару секунд, чтобы понять сказанное Ариэль.

Как может человек, возглавляющий самую большую религию мира, идти против бога?

Если это шутка, то она совсем не смешная.

И судя по лицу Ариэль, это действительно не шутка. Осуждающий взгляд также придает веса ее словам.

Так значит... это правда? Получается, что боги действительно существуют в этом мире?

Хотя, учитывая, что мы все слышим этот «голос бога», логично, что он принадлежит кому-то, и, скорее всего, этот кто-то — бог. Но учитывая, как он механически звучит, мне трудно в это поверить.

— Моя идеология сейчас ничего не значит. Как никак, зачастую ожидания не имеют ничего общего с результатами. Поэтому я сейчас и нахожусь в таком положении.

Под «таким положением» он имеет в виду свою роль Папы, а не этот трактир.

Я все еще не понимаю, о чем говорят Папа с Ариэль. Судя по задумчивому лицу Меразофиса, тот со мной в одной лодке.

Чтобы понять их разговор, нужно знать то, о существовании чего мы даже не подозреваем.

— Вы уверены, что система в порядке?

И, скорее всего, мозаика стала бы проще, знай мы, что такое «система».

— Уверяю вас, система не просто исправна, но и стабильна как никогда раньше.

— Правда? Даже несмотря на уменьшение МА энергии?

— Ага. Не думаю, что это было частью плана, но с системой все в порядке. По крайней мере с тем, как она функционирует.

— Другими словами, система может и работает как надо, но на фундаментальном уровне все же может быть какая-то проблема?

— Можно и так сказать. Все, что она накапливала все эти годы, вдруг начинает пропадать. Если это не проблема, то что?

— Да. Очень опасная проблема.

Оба с отчаянием одновременно вздохнули. Не свойственная для заклятых врагов ситуация.

— Но это пока может подождать. Все равно эту проблему просто так не решить. Вас ведь волнует сейчас Сариэлла, да?

Сменив тему, Ариэль закрывает на мгновение глаза.

А затем, открыв их, продолжает.

— По поводу тех трех вопросов. Как я и говорила ранее, я собираюсь отвезти этих деток в столицу, а дальше они сами решат, что будут делать, но в стране задерживаться я не планирую, даже если они в ней останутся. Как только я покину Сариэлла, она вся ваша, можете с ней делать все, что захотите.

Меня потрясло практически наплевательское отношение к нам.

Я знаю, что это всего лишь слова и на самом деле она нас так просто не бросит, но мне все равно больно их слышать, особенно это касается ее безразличия к нашей стране.

Учитывая то, что она за нами приглядывает, не думаю, что мы ей безразличны, но, если в стране разразится война, она явно не пойдет нас спасать.

Будущее у нас обещает быть не радужным.

— Насчет эльфов... я сама мало что знаю, но мне известно то, что они гонятся за нашим третьим пунктом обсуждения, этой девочкой и ей подобными, если быть конкретнее. За ней пришел аж сам Потимас, ну или по крайней мере его кукла, так что они серьезно настроены.

Как только разговор заходит об эльфах, на лице Ариэль появляется неприкрытое презрение, особенно когда она упоминает Потимаса.

Мне они тоже не сильно нравятся, как никак они нацелились на меня, но я скорее боюсь их, чем ненавижу.

Я помню, как Потимас с полнейшим безразличием чуть не лишил меня и Меразофиса жизнью. Я ни за что не забуду тех холодных глаз, смотревших на нас, как на мусор.

Потимас для меня Вестник Смерти.

Я трясусь от одной лишь мысли о нем.

Если мы с Ариэль разойдемся, то не сможем отбиться от него.

Да, если Божье Слово развяжет войну с Саризеллой, мы будем в непростом положении, но для меня с Меразофисом Потимас представляет куда большую опасность.

— Хм. Я подозревал, что они могут что-то провернуть, поэтому стараюсь быть настороже. И если он так свободно передвигается, то все куда хуже, чем я представлял. Если бы вы с ним не расправились тогда, Леди Ариэль, то даже не знаю, что бы произошло.

— Жду благодарностей.

— И вправду, стоит тебя поблагодарить. Но мне было бы еще приятнее, если бы ты замела все следы битвы, а не только прибрала трупы.

— А-а. Он же из пушки своей стрелял, точно. Совсем забыла об этом.

— Ничего. Мы уже обо всем позаботились, так что тебе не о чем беспокоиться.

Папа говорит так, будто он этим сделал одолжение Ариэль, чему она не сильно придает значение.

Получается, что все свидетельства существования огнестрельного оружия нужно скрывать?

Когда Широ избавлялась тогда от тел, я была совсем не в том состоянии, чтобы думать о каких-

то там пулевых отверстиях.

Но если даже такие мелочи должны держаться в тайне, то что тогда на самом деле представляет из себя механическое тело Потимаса?

Я-то думала, что попала в фэнтезийный мир, который в технологическом плане был менее развит, чем Земля, но, в качестве компенсации, в нем существовали статуи и навыки.

Но машина Потимаса оставляла далеко позади любые устройства, созданные землянами.

Что-то с этим миром не так, и Ариэль с Папой знают, что именно.

Может быть «система», о которой они говорят, и есть причина всем странностям этого мира?

Так или иначе, Ариэль и Папа не хотят, чтобы мир знал о машинах и продвинутых технологиях.

— И все же произошла утечка информации. Внезапную атаку Оцу на столицу подавили.

— Значит ты проиграл информационную войну?

Папа неохотно кивает.

— Да, к сожалению. Мы приложили много усилий чтобы наши планы оставались в секрете, и я думал, что наша разведка дает нам преимущество, но результаты говорят сами за себя. Мы и близко не можем сравниться с информационной сетью эльфов.

Увидев серьезно лицо Папы, личико Ариэль тоже принимает печальный вид.

— Вы не можете что-то с этим сделать?

— Мы делаем все возможное, но наши старания не окупаются, — Папа угрюмо мотает головой, — круги последователей эльфов растут и поскольку они сами не подозревают, что передают им информацию, мы никак на них не можем повлиять. Люди верят в эльфийский фасад мира во всем мире, который мы не можем разрушить.

Мир? В мире, где монстры, желающие сожрать людей, обитают повсюду, а сами люди до сих пор воюют меж собой?

Бред. Кто в это поверит?

— Дьявол кроется в том, что даже среди эльфов есть те, кто истинно верит в этот идеал. Поэтому невозможно определить, связан ли какой-нибудь эльф напрямую с Потимасом или нет, так что, даже если мы попытаемся его выследить, все может обернуться против нас. С его влиянием он может заставить народ отвернуться от Божьего Слова.

— Тогда вам стоит разобраться сначала с эльфами, а потом уже браться за религию Богини.

— Верно. Однако, когда я только основал Божье Слово, эльфы уже были в уверенной позиции, и до сих пор всегда находятся на шаг впереди.

Ариэль и Папа снова вздохнули в унисон.

Теперь я уже не уверена, враги ли они или союзники.

Первая реакция Ариэль показалась мне достаточно холодной, но не похоже, чтобы у них было много разногласий.

— Ну, даже я понятия не имею, что задумали эльфы, но я точно знаю, что ничего хорошего. Мы ведь говорим о Потимасе.

— Хорошо сказано. От него хорошего ждать не стоит.

...Может, они на самом деле друзья?

— Но ничего более я тебе не расскажу. Ответа на третий вопрос можешь не ждать.

Похоже, все же нет. Ариэль с опаской говорит с Папой.

— Даже если за вами гонятся эльфы, с которыми мы можем вам помочь?

— Даже если за нами гонятся эльфы. Мы не можем позволить им заполучить ее, но откуда мне знать, что Божье Слово не будет ее также использовать? Я не раскрою свои карты тем, кому не доверяю.

Ладно, я сдаюсь, понятия не имею, друзья они или враги. Их отношения сложно описать одним из этих слов.

— Но не значит ли это, что вы сами хотите ее использовать?

— Имея возможность я, скорее всего, ей воспользуюсь. Но я все же ставлю ее собственные желания выше.

Тот факт, что она сказала это, глядя мне в лицо, только подтверждает искренность этих слов. Наверно...

— Понятно. Значит у нее есть что-то кроме воспоминаний из ее прошлой жизни.

Удивительно, как Папе удастся делать такие точные выводы из тех крупиц информации, что у него есть, но я сомневаюсь, что ему еще раз выпадет шанс удивить своей догадливостью.

Он с легкостью определил наличие у меня воспоминаний из прошлой жизни. Значит в этом мире такое не редкость?

— На этом у меня, пожалуй, все. У тебя есть что добавить? — Ариэль обращается к Меразофису. Да и не только к нему, она и на меня смотрит.

Мне... можно говорить?

Папа тоже не отрывает от нас взгляда.

Телепатией я передаю Меразофису сообщение.

— Если у тебя есть что сказать — говори.

Мне, к слову, нечего сказать. Вернее, сказать-то хочется многое, да только сформулировать что-то осмысленное я вряд ли смогу.

Этот человек, Папа, несомненно, мой враг.

Он мой недруг, и все же таковым мне не кажется.

Кроме того, что Божье Слово — самая большая религия мира и что она противник религии Богини, которой поклоняются в Саризлле, я о ней ничего не знаю. То есть можно сказать, что я вообще ничего об этой религии не знаю.

Я знаю, что между последователями этих вер происходят какие-то терки, но в чем именно они заключаются? Понятия не имею.

И хоть я знаю, что он стоит за войной, это не значит, что Папа в моих глазах стал однозначным врагом.

Произошедшее с графством Керен до сих пор не кажется мне до конца настоящим.

Его уничтожили до того, как оно мне стало родным. Я все еще чувствую скорбь и злость от трагедии, но эти эмоции как будто находятся за матовым стеклом. Они словно не совсем мои.

Но чувства Меразофиса однозначно отличаются от моих.

Он прожил в Графстве Керен всю свою жизнь и потерял то, чего никогда ничем не заменишь.

Поэтому я считаю, что лучше говорить ему, а не мне.

Однако Меразофис лишь мотает головой.

— Мне нечего добавить.

Я, Ариэль и даже Папа удивлены таким ответом.

— Уверен? Тебе не хочется сделать там заявлений каких-нибудь в гневном порыве? Да чего уж сдерживаться, ты можешь убить этого парня прямо здесь, прямо сейчас, и никто даже не осудит тебя.

Ариэль, мне кажется, немного перегнула палку, но даже не проговори она это в слух, я бы не удивилась, если бы Меразофис поступил так, как она только что предложила.

Папа сам сказал, что пришел сюда зная, что может умереть и, судя по реакции Ариэль, он не врал и спокойно примет свою смерть.

— Нет. Его убийство будет бессмысленным. Оно не остановит течение времени и не заставит его пожалеть о содеянном. В лучшем случае его смерть только утолит мою злость. Ваша жизнь в сравнении с жизнью моего Господина, Госпожи и всего графства Керен — мелочь.

Меразофис пытался показать, что ему нет дела, выплеснет ли он свою злость или нет, но полностью убрать свои очерненные чувства из голоса он не смог.

Ему есть что сказать, но, вопреки этому, тот держит язык за зубами.

— Я слуга Юной Госпожи. Если она не хочет говорить, у меня нет причин, чтобы не следовать ее желанию. Все, что я делаю, я делаю ради ее блага.

Он держит свои чувства взаперти, потому что я, из уважения к нему, решила ничего не говорить. Такой вот круговорот уважения в наших отношениях слуга-хозяин.

Но я не сильно против него.

— П-ф! Ха-ха-ха. Слышал? Твоя жизнь мелочна!

Почему-то Ариэль с этого ржет.

— Действительно. Я был готов к смерти, но не к тому, что мне в лицо скажут такое.

Голос у него непоколебим, но вот внешне он ослабел. Выглядит подобно цветку на грани высыхания. По крайней мере, мне так показалось.

— Мелочна, говорите? Да, наверное, вы правы, моя жизнь и вправду ничего не стоит. Я обязан извиниться перед вами, извиниться за то, что предложил свою жизнь вместо боли, которую я причинил вам. Мне искреннее за это жаль...

Затем он низко кланяется.

Человек, ведущий за собой самую большую религию мира, преклоняется перед нами.

— ... Но я не могу остановиться.

Мы с Меразофисом почувствовали дрожащий холод от веса решимости этого высохшего старика.

Он понимает, что его жизнь мелочна, и все же его убеждения непоколебимы.

Что может быть настолько важнее собственной жизни, что он готов ею ради этого пожертвовать собой?

— Мы оба играем тяжелые роли, — Ариэль начала бормоча, но последние слова сказала уже достаточно громко. — И раз уж нам не о чем говорить, то я лучше к своей роли вернусь. Если тебе так хочется извиниться, то можешь заплатить за еду. Ну что, идем?

Ариэль встает. За ней поднимается Меразофис со мной в руках, и вся наша группа направилась к двери.

Все время, что мы шли, Папа держал голову опущенной.

Меразофис притворился, что не заметил этого, но я смотрела на Папу, не отрываясь, пока он не пропал из моего поля зрения.

— О, кстати. Хорошо, что ты сфокусировался на Сариэлле, но не стоит ли тебе волноваться чуть больше о демонах?

Перед самым порогом Ариэль обращается к Папе.

— Как никак, Повелителем Демонов этого поколения стала я.

Ее дополнение к совету, которое она добавила, как ни в чем не бывало, так потрясло Папу, что его голова выпрыгнула обратно из опущенной позиции.

Но когда он уже собирался ответить, дверь захлопнулась за нами.

Меразофис впервые раскрыл рот с того момента, как мы вышли из ресторана, только когда мы уже вернулись в таверну.

— Вы уверены, что стоило раскрывать ему то, что вы Повелитель Демонов?

— Да не парься. Ему эта информация ничего не даст. Скрывать от него это бессмысленно, все равно рано или поздно узнал бы. Это все равно ничего не меняет, войну Божьего Слова против Богини в том числе.

Получается... война неизбежна?

— А ты? Уверен, что стоило все мысли оставить при себе?

— Как я уже говорил, если Юная Госпожа не желает ничего сказать, то и мне не о чем говорить.

Меразофис ответил, пока укладывал меня в кровать.

— Ты мог бы высказать ему все. Не нужно было беспокоиться обо мне.

Мой голос, передаваемый через Телепатию, был немного угрюмым.

Я промолчала только потому, что думала, что Меразофис сможет сказать что-то за нас обоих.

Но, быть может, так было даже лучше.

Не думаю, что слова Меразофиса достигли бы старика. Хотя нет, даже если бы и достигли, то он все равно бы не изменился. Слова Ариэль и нечеловеческая вера в свои убеждения, которую мы от него почувствовали, играют этому факту на руку.

Мерзифис правильно сделал, что промолчал, но мне от осознания этого ничуть на душе легче не становится.

Ничто не смоет с нас злость и скорбь.

Даже если мы бы убили Папу и уничтожили на корню Божье Слово, ничего бы не изменилось.

Мерзифис поступил правильно.

Но что-то все равно меня терзает...

— Мерзифис... Я хочу, чтобы ты доверял своим чувствам, а не ставил мои в приоритет.

Мерзифис сдерживается ради меня, но в глубине души наверняка ему этого не хочется.

Я не могу смотреть, как он насильно закупоривает свои чувства, чтобы защищать меня. Каждый раз, когда я вижу, как он скрывает что-то, во мне просыпается чувство вины и ответственности.

— Я не хочу, чтобы ты был безэмоциональной куклой ради меня. Доверься своим чувствам, положишься на них.

Мерзифис в удивлении стынет от моих слов. На мгновение я сомневаюсь, стоит ли мне продолжать.

— Мерзифис, если тебе... если тебе хочется от меня уйти — иди. Соверши свою месть или вообще позабудь обо всем и начни новую жизнь. Я не хочу держать тебя на поводке.

— Юная Госпожа...

Конечно, мне не хочется, чтобы он уходил от меня, ведь он единственный свидетель моей жизни в этом мире.

Хотя нет, мне не нужно вам описывать эти сложные чувства. Вам и так понятно, что мне просто не хочется, чтобы он уходил. За этим чувством не стоит ничего конкретного.

Но я не хочу лишать его будущего из-за своих эгоистичных желаний.

Я уже забрала у него человечность и своими глазами видела, как он волновался и страдал из-за становления вампиром.

Сейчас, кажется, его состояние лучше, но я не хочу, чтобы он потерял еще что-то из-за меня.

Если Меразофис хочет уйти, я не смею его останавливать.

Только лишь мои слезы, которые обязательно польются, если он решит расстаться со мной, пробудят его чувство долга и он останется со мной.

Поэтому я и скрываю сейчас свои чувства. Если он уловит хоть каплю от них, то останется со мной вопреки своему желанию.

— Юная Госпожа. Я вам... не нужен?

После того, как я, набравшись смелости, подняла волнующий меня вопрос, Меразофис посмотрел на меня, как брошенный щенок.

Разве не должно быть все в точности да наоборот?

— Что за глупости. Конечно, нужен.

Я отвечаю, не тратя время на обдумывание ответа.

Меразофис нужен мне. Я лишь спросила об уходе для того, чтобы он понял, что у него есть выбор.

Почему он так смотрит на меня? Я в полном замешательстве.

— Юная Госпожа, весь смысл моей жизни в том, чтобы служить вам. Мне и в помине никогда не хотелось вас бросить, и никогда во мне не возникнет такого желания.

Меразофис преклоняется перед моей кроватью.

— Так что прошу, позвольте мне остаться с вами.

Он протягивает ко мне руку, и я инстинктивно ее хватаю.

Через кожу я чувствую его, и сама не понимаю почему, но я нахожу себя вцепившийся в него.

Когда Меразофис обнимает меня в ответ, я инстинктивно кусаю его шею.

— А!..

Меразофис дрожит, но не сопротивляется.

Глотку наполняет вкус крови, а вместе с ним я чувствую удовлетворение, радость и облегчение.

И в то же время, меня переполняет желание плакать и из моих глаз вниз по щекам начинают течь слезы.

— Ммуааа... Вааа...

Я продолжаю пить кровь Меразофиса, пока рыдаю.

Меразофис стоит смирно со мной в руках, позволяя мне продолжать.

Сегодня мы встретили Папу Божьего Слова и узнали что-то, чего я до сих пор до конца не понимаю, но сейчас мне это все неважно.

Пока со мной Меразофис, все будет в порядке. Важен лишь только он.

И этот человек теперь мой.

Несмотря на все то, что о нас могут говорить другие, да даже если Меразофису самому станет плевать на меня, я его не отпущу.

Кровь течет внутрь, слезы льются наружу...

Я засыпаю у него прямо на руках, так и не оторвавшись от шеи.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/96883/1703996>